

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕГИОНА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ)***Владимир Николаевич ДЬЯЧЕНКО^а, Виктория Владимировна ЛАЗАРЕВА^б**

^а кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Российская Федерация
dvn48@list.ru
ORCID: отсутствует
SPIN-код: 7064-7928

^б старший преподаватель кафедры экономической теории и государственного управления,
Амурский государственный университет, Благовещенск, Российская Федерация
v_lazareva12@mail.ru
ORCID: отсутствует
SPIN-код: 2971-3272

* Ответственный автор

История статьи:

Получена 15.04.2016
Получена в доработанном виде 30.05.2016
Одобрена 18.06.2016
Доступна онлайн 15.07.2019

УДК 338.439.6:331.556.4**JEL:** J11, J61, Q18**Аннотация**

Предмет. Реализация продовольственного импортозамещения на Дальнем Востоке требует оценки возможных источников трудовых ресурсов в демографической ситуации, складывающейся в местах локализации заброшенных сельскохозяйственных земель.

Цели. Определение возможностей кадрового обеспечения процесса ввода в хозяйственный оборот заброшенных сельскохозяйственных земель с учетом их территориальной локализации и демографической ситуации в населенных пунктах в условиях Дальнего Востока.

Методология. Для исследования дифференциации региональной демографической ситуации были использованы данные переписей населения 1979, 1989, 2002 и 2010 гг. и текущей статистической отчетности, на основе которых была сформирована база данных по населенным пунктам Амурской области. Полученные результаты типологизации населенных пунктов были совмещены с территориальной локализацией заброшенных сельскохозяйственных земель, которые могут быть использованы для производства плодовоовощной продукции.

Результаты. Определено, что резервы земельных ресурсов сосредоточены на периферии системы расселения региона, где наиболее выражена демографическая деградация, не позволяющая рассчитывать на местных жителей в процессе обеспечения импортозамещения трудовыми ресурсами. Низкая привлекательность мелких поселений ограничивает возможности переселения, не оставляя альтернативы использованию для организации производства плодовоовощной продукции китайской сезонной рабочей силы.

Выводы. Проведенные оценки дифференциации складывающейся в регионе демографической ситуации доказывают отсутствие внутрирегиональных кадровых источников использования сельскохозяйственных организаций для внедрения широкомасштабного процесса продовольственного импортозамещения, обеспеченного наличием заброшенных сельскохозяйственных земель. Полученные доказательства необходимости широкого использования иностранной рабочей силы могут применяться в процессе разработки региональных программ социально-экономического развития и для совершенствования миграционной политики.

Ключевые слова:

импортозамещение, продовольственная безопасность, трудовые ресурсы, демографический кризис, китайская рабочая сила

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2019

Для цитирования: Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Импортозамещение в сельскохозяйственном производстве региона: демографический аспект (на примере Амурской области) // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17, № 7. – С. 1396 – 1408.
<https://doi.org/10.24891/re.17.7.1396>

Введение

Организация продовольственного обеспечения населения Дальнего Востока относится к числу приоритетных задач, поставленных в программах социально-экономического развития региона. Это связано прежде всего со значительными ограничениями, диктуемыми природно-климатическими условиями и уровнем освоенности территории. В соответствии с этим, наряду с развитием агропромышленного комплекса (АПК), значительное внимание уделяется организации завоза продуктов питания из других регионов страны и из-за рубежа.

В условиях удаленности региона от развитых поселенческих центров страны особенно значимую роль в обеспечении населения продуктами питания приобрели закупки за пределами страны. По многим товарным группам при кризисном состоянии отечественного сельскохозяйственного производства в последние десятилетия зарубежные поставки приобрели критическую значимость, поскольку альтернативные отечественные источники для этих групп отсутствуют. Уже сам этот факт свидетельствует о низком уровне продовольственной безопасности Дальнего Востока.

К числу отрицательных последствий такого положения относится его негативное влияние на отечественных региональных производителей продовольствия и сельскохозяйственного сырья, не выдерживающих конкуренции и вынужденных свертывать производство.

Приемлемость сложившейся ситуации существенно снижается в условиях современного мирового экономического кризиса и санкций, введенных ЕС и США против России. Даже с учетом того, что основным поставщиком продовольствия

является Китай, не разделяющий санкционной политики Запада, рост уровня самообеспечения региона, повышение конкурентоспособности отечественных сельхозпроизводителей становятся региональной и государственной задачей первостепенной важности.

На ее решение ориентирует введение Россией контрсанкций, ограничивающих продовольственный импорт и, соответственно, создающих условия отечественным производителям сельскохозяйственной продукции для увеличения собственного производства продуктов питания.

Вместе с тем ослабление конкурентных ограничений не исчерпывает спектр проблем для реализации задач импортозамещения на рынке продовольствия. Сложившийся потенциал сельского хозяйства, в частности, не позволяет рассчитывать на ускоренное наращивание производства продукции. Одним из факторов, препятствующих этому, является кадровый дефицит, острота которого особенно ощущается в традиционно трудонедостаточных регионах, к числу которых относится Дальний Восток.

В рамках данной работы нами ставится задача на основе анализа социально-демографической ситуации в сельских районах Амурской области оценить перспективы обеспечения процесса наращивания сельскохозяйственного производства за счет внутренних источников трудовых ресурсов и величину потребности привлечения иностранной сезонной рабочей силы в условиях российско-китайского приграничья.

Информационной базой являются данные переписей и текущего статистического учета населения. Сформированная база данных содержит сведения о населенных пунктах, существовавших с момента переписи 1970 г. В числе учитываемых показателей, кроме изменений в численности населения поселений, существовавших с 1970 г., учитывались принадлежность поселения к природно-климатической зоне, его удаленность от районного центра и центра

*Статья публикуется по материалам журнала «Национальные интересы: приоритеты и безопасность». 2016. Т. 12. Вып. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/importozameschenie-v-selskohozyaystvennom-proizvodstve-regiona-demograficheskiy-aspekt-na-primere-amurskoy-oblasti>

сельсовета, статус населенного пункта в административной структуре региона, хозяйственная специализация, статус размещаемого производственного подразделения в предприятии (отделение, бригада, центральная усадьба, железнодорожный разъезд, участок прииска и т.п.). Их динамика прослеживается по переписям 1979, 1989, 2002 и 2010 гг. и на материалах текущей статистики до 2015 г.

Продовольственная безопасность: региональные приоритеты

В современной мировой практике первой попыткой очертить круг вопросов, относящихся к продовольственной безопасности, принято считать положения, сформулированные на Римской встрече по проблемам продовольствия (1996 г.). В принятой декларации была определена обязанность государства обеспечивать право каждого человека на доступ к безопасным и полноценным продуктам питания¹.

В соответствии с Доктриной продовольственной безопасности России, принятой в 2010 г., продовольственная безопасность представляет собой состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства РФ о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни.

Учитывая ограниченность внутренних источников, обеспечивающих полноценное питание населения за счет разнообразия продуктов, наряду с собственным производством продовольственная безопасность включает в себя также меры по участию в международном обмене, развитию

внутренней торговли, повышению доходов населения.

В различные периоды в соответствии с изменениями условий приоритеты в обеспечении продовольственной безопасности могут меняться. В настоящее время важнейшей характеристикой складывающейся ситуации является высокий уровень продовольственной зависимости страны от поступлений продуктов питания из внешних источников. При этом в международной практике получает распространение использование различных мер защиты внутреннего продовольственного рынка, включая ограничения экспорта продуктов питания, что чревато для России потерей зарубежных источников продовольствия. Складывается опасная тенденция широкого применения экономических санкций как мер политического давления. В их числе может использоваться и продовольственное эмбарго. С учетом этих обстоятельств важная роль в обеспечении национальной безопасности отводится достижению продовольственной независимости.

Возможность такой постановки задачи основывается на высоком потенциале России для обеспечения населения продуктами питания, поскольку страна располагает значительными и в достаточной мере разнообразными по природным условиям территориями. На душу населения в России приходится 1,4 га сельскохозяйственных угодий, в том числе 0,8 га пашни, что вдвое выше среднемирового уровня [1]. Обеспечение продовольственной безопасности, будучи глобальной проблемой, на мировом, государственном, региональном и местном уровнях различается выдвигаемыми целями и задачами, используемыми механизмами ее достижения. Поскольку речь идет о создании условий для обеспечения населения продуктами питания на основе собственного производства, то продовольственная безопасность определяется прежде всего развитием агропромышленного комплекса, его важнейшей части – сельского хозяйства и складывающейся социально-демографической ситуацией.

¹ Rome Declaration on World Food Security. Rome, 13 November 1996. Food and Agriculture Organization. URL: <http://fao.org/docrep/003/w3613e/w3613e00.htm>

В Амурской области практически по всем ресурсам основных продуктов питания доля собственного производства ниже пороговых значений по стране (*табл. 1*).

Как следует из данных *табл. 1*, только производство картофеля и зерна в полной мере обеспечивает ресурсный потенциал области.

Оценивая влияние внешнеэкономических связей на складывающуюся в регионе ситуацию, необходимо прежде всего учитывать, насколько критически важными они являются.

В настоящее время китайский экспорт в целом является для России весьма обширным по широкому кругу товарных групп. Что касается Дальнего Востока, то регион на 60–70% зависит от китайского продовольствия (мяса, овощей, фруктов), обеспечивающего поддержание благосостояния населения в регионе. Круглогодичные поставки свежей плодоовощной продукции, мяса и сельскохозяйственного сырья из Китая продолжают играть позитивную роль в обеспечении населения Амурской области продуктами питания. Однако нельзя признать оправданным отказ от производства в регионе собственной плодоовощной продукции, которая в настоящее время завозится из соседнего округа Хэйхэ, поля которого расположены на противоположном берегу Амура, ширина которого не превышает 800 м. Такие важные виды продовольственных товаров, как картофель, овощи, фрукты, ягоды, яйца домашней птицы, должны являться преимущественно предметом регионального самообеспечения.

Характеристика ситуации в сельском хозяйстве региона, положение сельскохозяйственных организаций

Доминирование импортного продовольствия на региональном рынке во многом является следствием слабости сельского регионального АПК.

Природно-климатические условия Амурской области, развитие системы сельских поселений свидетельствуют о наличии значительного потенциала для развития

сельского хозяйства. Широкие возможности имеются и для наращивания перерабатывающего комплекса. При этом следует учитывать, что достигнутые в прошлом успехи в развитии сельского хозяйства региона были результатом значительной государственной поддержки в 1960–1980-е гг. [2, 3].

Разрушение системы государственной поддержки, изменения в ценах на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, ограничения возможностей кредитования и страхования привели к глубокому и продолжительному кризису сельского хозяйства, разрушению производственного и экономического потенциала, сокращению числа занятых, падению оплаты труда до 40–50% от среднероссийского уровня² [4].

В настоящее время в области производится широкий спектр сельскохозяйственной продукции. Динамика объемов сельскохозяйственного производства в Амурской области за период 2005–2015 гг. представлена в *табл. 2*.

Из анализа данных *табл. 2* следует, что за исследуемый период в целом наблюдается положительная динамика объемов производства сельскохозяйственной продукции.

Вместе с тем, оценивая возможности АПК региона для значительного наращивания производства продуктов питания, следует прежде всего отметить, что имевшийся ранее потенциал сельского хозяйства региона используется в настоящее время далеко не полностью. В целом по области посевные площади в 2015 г. составили 63,8% от уровня 1990 г., причем в 4 районах из 20 использовалось менее 1/3 от пахотного клина, имевшегося в 1990 г., еще в 4 районах – от 30 до 50%, и только в 5 он превысил 75%.

² Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития. Хабаровск: Изд-во ГНУ ДВНИИЭОП АПК Россельхозакадемии, 2013. 212 с.; Буздалов И., Фрумкин Б. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике // Общество и экономика. 2014. № 7-8. С. 100–124; Сухомиров Г.И. Проблемы развития сельского хозяйства в ДФО // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 3. С. 39–50.

Проведенные исследования показывают, что забрасывание сельскохозяйственных земель в период 1990–2000 гг. носило в стране повсеместный характер. При этом полученные результаты свидетельствуют, что с наибольшей вероятностью выходили из хозяйственного оборота земли с низкой сельскохозяйственной продуктивностью в период 1980-х гг., в том числе участки вблизи кромки леса, изолированные наделы внутри лесных массивов, а также сельскохозяйственные земли, удаленные от населенных пунктов³ [5]. Полученные нами данные также свидетельствуют о том, что не используемые сельскохозяйственные земли сосредоточены в значительной части на периферии системы сельского расселения, для которой характерна мелкоселенная структура населенных пунктов.

Складывающиеся для сельхозпредприятий условия заставляют их обеспечивать выход на рентабельность за счет предельного сужения специализации производства до выращивания сои и зерновых культур. Как следствие, на протяжении всего современного периода, начиная с 1990 г., сельскохозяйственные организации демонстрируют устойчивую неспособность к организации производства картофеля, плодовоовощной и животноводческой продукции.

Для сравнения отметим, что в 1989 г. в колхозах, совхозах и других государственных хозяйствах картофель выращивался на 12,9 тыс. га, обеспечив валовые сборы в размере 970 тыс. ц. Под овощные культуры использовалось 5,7 тыс. га, где производилось 528 тыс. ц овощей. В 2014 г. площади посевами картофеля и овощебахчевых культур в сельскохозяйственных организациях было занято только 590 га, или 10% от всей посевной площади в этой категории хозяйств. При этом валовые сборы картофеля составили 48,9 тыс. ц, а овощей открытого грунта – 11,2 тыс. ц. В настоящее время основную роль в производстве этих видов

сельскохозяйственной продукции играют личные подсобные хозяйства населения. В производстве картофеля их доля составляет 94,2%, овощей – 89,9%. Этот факт важно учитывать, поскольку производство в личных хозяйствах имеет низкую товарность и ориентировано в основном на собственное потребление, не оказывая существенного влияния на снабжение продуктами питания населения в целом.

Одним из определяющих ограничителей наращивания сельскохозяйственного производства в настоящее время выступает дефицит кадров, напрямую связанный с демографической ситуацией в селах области.

В целом по Амурской области наибольшая группа из числа занятого населения (около 70%) – это работники крупных, средних и малых предприятий, среднесписочная численность которых уменьшилась по сравнению с 1995 г. на 122 тыс. чел. (на 30,5%), с 2013 г. – на 2,8 тыс. чел. (на 1%) и насчитывала в 2014 г. 278,2 тыс. чел. При этом наибольшее снижение численности работающих по сравнению с 1995 г. отмечено на предприятиях, осуществляющих свою деятельность в области сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства – на 41 тыс. чел. (в 4,5 раза).

Характеристика демографической ситуации в сельских населенных пунктах региона

Не ставя задачу исчерпывающего описания социально-демографической ситуации в регионе, отметим лишь наиболее значимые ее элементы. По оценочным данным, на 1 января 2015 г. численность постоянного населения области с учетом окончательных итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. составила 809,9 тыс. чел., уменьшившись по сравнению с 2000 г. на 113,2 тыс. чел., или на 12,3%. Общей тенденцией последних десятилетий является уменьшение численности сельского населения и его доли в общей численности населения. Так, в 2014 г. сельское население региона снизилось до 32,7%. Село теряло численность как за счет естественной убыли, так и внутриобластной и

³ Прищепов А.В., Радлофф Ф.С., Бауманн М. и др. Влияние институциональных и социо-экономических изменений после распада СССР на сельскохозяйственное землепользование в Восточной Европе // Земля из космоса: наиболее эффективные решения. 2012. № 14. С. 7–14.

межрегиональной миграции. На долю естественной убыли в целом по области приходилось 10% общей убыли, а на долю миграционной убыли – 90%. В 2014 г. сельская местность потеряла в обмене с городской местностью 2 012 чел. (в 2013 г. – 2 039 чел.). Можно сказать, что тенденция подпитки городских поселений за счет сел области продолжает сохраняться, имея устойчивый характер.

При решении проблем кадрового обеспечения сельского хозяйства следует также учитывать, что возрастно-половая структура населения Амурской области характеризуется непрекращающимся процессом старения населения. Удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста (до 16 лет), несмотря на рост рождаемости, практически не изменился, составив в 2014 г. 19,4%, в то время как доля лиц пенсионного возраста постепенно увеличивается (с 16,2 до 21,2%). При этом доля лиц старших возрастных групп в периферийных селах достигает 1/3 населения, не позволяя рассчитывать на восполнение сельскохозяйственных организаций кадрами за счет внутренних источников.

Складывающиеся в регионе тенденции развития демографических процессов вписываются в представления, о процессах «сжатия» пространства как процесса физического сокращения обжитых и интенсивно освоенных территорий. При этом наблюдаемые на всей территории страны изменения, описанные в работах Т.Г. Нефёдовой, Н.В. Зубаревич, Ж.А. Зайончковской⁴ и др. [6–8], в условиях Дальнего Востока протекают в более интенсивной форме.

Проводимые исследования расселенческо-демографических отношений показывают, что их изменения происходят под влиянием широкого круга факторов. При этом наблюдается дифференцирование поля

расселения. Тенденция выделения двух качественно различных частей – жизнеспособной и депопулирующей с отмирающими пунктами – типична для большинства регионов. Нарушаются сложившиеся, возникают новые направления межселенных и межрегиональных связей [9].

С точки зрения оценки ситуации с обеспечением сельского хозяйства трудовыми ресурсами, важно учитывать, что демографические процессы в области существенно дифференцированы.

Если для областного центра и прилегающего к нему района в период с 1989 по 2015 г. в последнее время характерна устойчивая тенденция роста численности населения, то в других районах происходит уменьшение численности жителей. Причем в наиболее отдаленных районах население в 2015 г. по сравнению с 1989 г. составило: в Шимановском – 71,1%, Магдагачинском – 60,2, Сковородинском – 50,1, Архаринском – 45,6%.

В еще большей степени на потери численности населения оказали влияние размеры сельских поселений, их положение в административно-территориальной и производственной структурах. Полученные нами данные свидетельствуют, что в наибольшей мере потери численности населения характерны для населенных пунктов, не имеющих статуса муниципальных образований (районных центров и центров сельских советов). В периферийных населенных пунктах убыль населения в среднем в 1,5 раза выше, чем в центрах сельсоветов. Периферийные населенные пункты по состоянию на 2002 г. сосредоточивали в себе 27% населения Амурской области, и по переписи 2010 г. потери их численности составили 41% от общей численности потерь населения региона. За период с 2002 по 2015 г. в южной и центральной природно-климатических зонах области, где сосредоточена подавляющая часть сельскохозяйственных организаций, сокращение населения более 50% наблюдалось в основном в мелких поселках сельскохозяйственного профиля – бывших отделениях совхозов с людностью от 7 до 563

⁴ Зайончковская Ж.А., Иоффе Г.В. Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география. М.: Кодекс, 2013. С. 188–223.

чел. В населенных пунктах с численностью населения до 500 чел. в 2002 г. проживало в Приамурье 9% населения, в общих потерях численности их доля составила 20%. В поселениях, являвшихся отделениями бригад и колхозов, убыль населения оказалась в 1,8 раза выше, чем в центральных усадьбах.

Данные различия, как представляется, являются общей тенденцией, находящей свое проявление в различных регионах страны⁵.

Важно учитывать, что на привлекательность сельских поселений значительное влияние оказывает их близость к поселенческим центрам региона. Так, в период между переписями населения 2002 и 2010 гг. в поселениях сельскохозяйственной специализации, являющихся центрами сельсоветов, находящихся на расстоянии от районного центра до 30 км, убыль населения составила в среднем 6,1%. В населенных пунктах, находящихся на расстоянии от районного центра от 30 до 60 км, она уже была 12,2%, а в поселениях, находящихся на расстоянии от районного центра от 60 и более км, убыль населения составила 16,1%. В периферийных населенных пунктах, расположенных на расстоянии от районного центра до 30 км, убыль населения составила 7%, 30–60 км – 24,9%, свыше 60 км – 24,3%.

Одной из важнейших причин низкой привлекательности мелких удаленных поселений являются затруднения в пользовании учреждениями комплекса социальной инфраструктуры, сконцентрированными, как правило, в районном центре. На этот факт, в частности, обращает внимание С.А. Ковалёв [10].

Нетрудно заметить, что потери численности сельского населения (соответственно, и населения в трудоспособном возрасте) напрямую обусловлены деградацией сельского хозяйства региона. В ряде районов значительная часть сельскохозяйственных организаций прекратили свое существование.

⁵ Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Различия в динамике численности населения по поселениям разного размера и статуса // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география. М.: Кодекс, 2013. С. 82–107.

Их место на короткий период времени заняли малые предприятия, которые в своем большинстве также оказались нежизнеспособными.

Таким образом, имеющиеся резервы пашни сосредоточены в периферийной части области, где наиболее остро проявляется дефицит кадров. Организация здесь трудоемкого производства плодоовощной продукции в интересах обеспечения продовольственной безопасности региона не представляется возможной без использования внешних источников рабочей силы.

Сложившийся в регионе опыт организации переселения не позволяет рассчитывать на обеспечение достаточного по масштабам притока кадров в сельское хозяйство региона и в те поселения, где имеются резервы пахотных земель.

Использование иностранной рабочей силы

Использование китайской рабочей силы остается практически единственным источником трудовых ресурсов для продовольственного импортозамещения в регионе.

В настоящее время в стране использование иностранной рабочей силы получило широкое распространение. Анализ возникающих при этом процессов посвящено значительное количество работ [11–15].

Богатый опыт использования иностранной рабочей силы накоплен и в Амурской области. Одним из основных поставщиков рабочей силы в регион являются КНР и КНДР, на долю которых в 2010 г. приходилось 81,1% легально работающих иностранцев.

Количество временных китайских мигрантов ежегодно увеличивалось (в 2000 г. – 0,5 тыс. чел., в 2005 г. – 8,4 тыс. чел., в 2008 г. – 23,6 тыс. чел.). В 2009–2010 гг. произошло сокращение численности китайских работников, что связано с уменьшением объема квот на привлечение иностранной рабочей силы – прежде всего в сфере сельского и лесного хозяйства и строительства.

В настоящее время приоритет отдается использованию временных, постоянно сменяющихся контингентов рабочей силы. Так, из 4 335 мигрантов, прибывших в 2014 г. из зарубежных стран, 3 957 чел. (91,3%) составили иностранные граждане с ограниченным сроком пребывания. Среди них 65% составляют мигранты, срок пребывания которых на территории Амурской области составляет от 9 мес. до одного года, еще 18% прибыли на срок 12 мес. Среди трудовых мигрантов из Китая эти показатели составляют соответственно 86 и 12%.

При квоте на привлечение иностранных работников в 2015 г. в количестве 4 970 чел., осуществление мер по продовольственному импортозамещению потребует ее значительного увеличения, что связано с необходимостью корректировки проводимой региональной миграционной политики.

Стратегия использования временной иностранной рабочей силы представляется наиболее перспективной, поскольку позволяет избежать резкого изменения этнического состава населения и обеспечить потребности экономики.

Выводы

Анализ показал, что на сегодняшний день вопрос о физической доступности продуктов питания для населения Приамурья не стоит. При этом уровень самообеспечения региона продуктами питания остается на низком уровне. При развитом секторе переработки основу продовольственной безопасности составляет завоз из других регионов и импорт. Сложившееся производство в сельскохозяйственных организациях лишь в крайне незначительной мере ориентировано на обеспечение продовольственной безопасности региона. Основу самообеспечения формируют личные подсобные хозяйства и садоводство.

В то же время регион обладает значительными ресурсами для наращивания производства важнейших продуктов питания, основу чего составляют земельные ресурсы. К отрицательным факторам можно отнести демографическую ситуацию в сельской местности, наличие дефицита квалифицированных кадров.

Важнейшей составляющей потенциала территории является численность и состав трудоспособного населения. В результате взаимодействия широкого круга факторов за последние десятилетия численность населения трудоспособного возраста в сельской местности снизилась, при этом заметную роль сыграла миграционная убыль. Следует также отметить такую негативную тенденцию, как старение, увеличение доли старших возрастов. Таким образом, амурское село перешло на устойчивый суженный режим воспроизводства трудовых ресурсов.

Особенно остро проблема дефицита кадров стоит на периферии системы сельского расселения, существенно осложняя проблему расширения посевных площадей и развития производства плодовоовощной продукции.

Отсутствие внутренних источников кадров для развития сельского хозяйства региона не оставляет альтернативы привлечению к сезонным работам китайской рабочей силы.

В условиях российско-китайского приграничья решение проблемы использования иностранной рабочей силы не вызывает затруднений только при замене сезонных работников китайской рабочей силой, привлекаемой на основе различных форм кооперации сельскохозяйственных предприятий, в рамках проектов в растениеводстве и животноводстве на условиях генерального подряда и субподряда.

Таблица 1**Доля собственного производства в продовольственных ресурсах в 2011 г., %****Table 1****The share of own production of food resources in 2011, %**

Тип продовольствия	Пороговые значения	Амурская область
Зерно	95	99
Растительное масло	80	63
Мясо и мясопродукты	85	56
Молоко и молочные продукты	90	78
Рыбная продукция	80	8
Картофель	95	99
Овощи и бахчевые культуры	–	51

Источник: составлено авторами по данным Амурстата*Source:* Authoring, based on the Amurstat data**Таблица 2****Динамика объемов сельскохозяйственного производства в Амурской области за 2005–2015 гг.****Table 2****Dynamics of agricultural production in the Amur Oblast for 2005–2015**

Тип продовольствия	2005	2010	2014	2015	Темп роста 2015 г. к 2005 г., %	Темп роста 2015 г. к 2014 г., %
Зерно, тыс. т	214,2	130,4	417,7	358,4	167,3	85,8
Соя (в весе после доработки), тыс. т	174,6	536,5	996,9	1 018,6	583,4	102,2
Мясо и мясопродукты, тыс. т	25,8	32	60,5	57,8	224	95,5
Молоко и молокопродукты, тыс. т	130,7	161,9	143,6	142,6	109,1	99,3
Яйцо, млн шт.	203,7	257,3	240,1	199,2	97,8	83
Картофель, тыс. т	273,7	303,9	298,1	286,5	104,7	96,1
Овощи и бахчевые, тыс. т	51,9	57	67,8	70,1	135,1	103,4

Источник: составлено авторами по данным Амурстата*Source:* Authoring, based on the Amurstat data

Список литературы

1. Коровкин В. Глобализация решения проблемы продовольственной безопасности России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2001. № 3. С. 44–45.
2. Нестеренко А.Д. Экономические проблемы сельского хозяйства Дальнего Востока. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1972. 372 с.
3. Сухомиров Г.И. Условия и тенденции развития сельского хозяйства ДФО // Пространственная экономика. 2011. № 1. С. 81–92.
4. Шелена А.С. Экономические проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 58–70.
5. Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваяева Н.А. и др. Динамика сельскохозяйственных земель России в XX веке и постагрогенное восстановление растительности и почв. М.: ГЕОС, 2010. 416 с.
6. Зубаревич Н.В. Мифы и реалии пространственного неравенства // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 8–53.
7. Нефёдова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. 456 с.

8. *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 130 с.
9. *Куница М.Н.* Геодемографическая структура населения староосвоенного региона: особенности, дифференциация, проблемы в Центральном федеральном округе России. Брянск: Изд-во РИО БГУ, 2009. 312 с.
10. *Ковалёв С.А.* Географическое изучение сельского расселения (задачи, методика, материалы, специальные карты расселения). М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1960. 338 с.
11. *Безруков И.С.* Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 207 с.
12. *Ларин В.Л.* Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья: срез 2003 года // Проблемы дальнего Востока. 2004. № 4. С. 77–78.
13. *Минакир П.А., Деваева Е.И.* Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 79–91.
14. *Понкратов Р.А.* Международная трудовая миграция на Дальний Восток РФ: современное состояние и тенденции // Российское предпринимательство. 2007. № 10. Вып. 2. С. 135–140.
15. *Топилин А.В., Парфёнцева О.А.* Перспективы трудовой миграции в России: от количественных к качественным параметрам. М.: МАКС Пресс, 2008. 105 с.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

IMPORT SUBSTITUTION IN AGRICULTURAL PRODUCTION OF THE REGION: A DEMOGRAPHIC DIMENSION: THE AMUR OBLAST CASE STUDY

Vladimir N. D'YACHENKO ^{a,*}, Viktoriya V. LAZAREVA ^b

^a Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Khabarovsk Krai, Russian Federation
dvn48@list.ru
ORCID: not available

^b Amur State University, Blagoveshchensk, Amur Oblast, Russian Federation
v_lazareva12@mail.ru
ORCID: not available

* Corresponding author

Article history:

Received 15 April 2016
Received in revised form
30 May 2016
Accepted 18 June 2016
Available online
15 July 2019

JEL classification: J11, J61,
Q18

Keywords: import
substitution, food security,
labor force,
demographic crisis,
Chinese workforce

Abstract

Subject The paper discusses the issues of evaluation of possible sources of manpower in the demographic situation at the location of abandoned agricultural lands in the Far East of the Russian Federation to implement a policy for food substitution.

Objectives The paper aims to find and identify certain opportunities for staffing the process of commercialization of abandoned agricultural land, taking into account the territorial localization and demographic situation in the Far East of Russia.

Methods To study the differentiation of regional demographic situation, we used the census data of 1979, 1989, 2002, 2010, and the current statistical reporting on the Amur Oblast. We combined the obtained results of the settlements classification with the territorial localization of abandoned agricultural land.

Results We found that the reserves of land resources are concentrated on the periphery of the settlement systems of the Oblast, where the most obvious demographic degradation leaves no chance to rely on local residents to provide import substitution with labor resources. The low attractiveness of small settlements makes the possibility of migration limited, and leaves no other alternative but use the Chinese seasonal workforce.

Conclusions The evaluations of the Oblast's demographic situation differentiation prove the absence of intra-staff sources of agricultural organizations use to organize a large-scale process of food import substitution. The evidence obtained of the need for foreign labor-intensive use can help to develop regional socio-economic development programs and improve the migration policy.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

Please cite this article as: D'yachenko V.N., Lazareva V.V. Import Substitution in Agricultural Production of the Region: A Demographic Dimension: The Amur Oblast Case Study. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2019, vol. 17, iss. 7, pp. 1396–1408.
<https://doi.org/10.24891/re.17.7.1396>

Acknowledgments

The article was adapted from the *National Interests: Priorities and Security* journal, 2016, vol. 12, iss. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/importozameschenie-v-selskohozyaystvennom-proizvodstve-regiona-demograficheskiy-aspekt-na-primere-amurskoy-oblasti>

References

1. Korovkin V. [Globalization of solutions to the problem of food safety of Russia]. *Mezhdunarodnyi sel'skokhozyaystvennyi zhurnal = International Agricultural Journal*, 2001, no. 3, pp. 44–45. (In Russ.)

2. Nesterenko A.D. *Ekonomicheskie problemy sel'skogo khozyaistva Dal'nego Vostoka* [Economic problems of agriculture in the Far East]. Vladivostok, Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1972, 372 p.
3. Sukhomirov G.I. [Conditions and trends of the development of agriculture of the Far Eastern Federal District]. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2011, no. 1, pp. 81–92. (In Russ.)
4. Shelepa A.S. [Economic problems of agriculture in the Far East of Russia]. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2010, no. 4, pp. 58–70. (In Russ.)
5. Lyuri D.I., Goryachkin S.V., Karavaeva N.A. et al. *Dinamika sel'skokhozyaistvennykh zemel' Rossii v XX veke i postagrogennoe vosstanovlenie rastitel'nosti i pochv* [Dynamics of Russian agricultural land in the 20th century and the post-agrogenic restoration of vegetation and soil]. Moscow, GEOS Publ., 2010, 416 p.
6. Zubarevich N.V. [Myths and realities of spatial inequality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Science and Modernity*, 2009, no. 1, pp. 8–53. (In Russ.)
7. Nefedova T.G. *Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoi Rossii: otvety geografa* [Ten topical questions about rural Russia: the geographer's answers]. Moscow, LENAND Publ., 2013, 456 p.
8. Zaionchkovskaya Zh.A. *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie* [Demographic situation and resettlement]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 130 p.
9. Kunitsa M.N. *Geodemograficheskaya struktura naseleniya staroosvoennogo regiona: osobennosti, differentsiatsiya, problemy v Tsentral'nom federal'nom okruge Rossii* [The demographic structure of the population of the old-cultivated region: features, differentiation, problems in the Central Federal District of Russia]. Bryansk, RIO BSU Publ., 2009, 312 p.
10. Kovalev S.A. *Geograficheskoe izuchenie sel'skogo rasseleniya (zadachi, metodika, materialy, spetsial'nye karty rasseleniya)* [A geographical study of rural settlements: objectives, methods, materials, special settlement maps]. Moscow, Lomonosov MSU Publ., 1960, 338 p.
11. Bezrukov I.S. *Perspektivy ispol'zovaniya aziatskoi rabochei sily v ekonomike Dal'nego Vostoka* [Prospects for the use of Asian labor in the Far East economy]. Vladivostok, VSUES Publ., 2006, 207 p.
12. Larin V.L. [The Chinese factor in the public consciousness of the Russian border area: 2003]. *Problemy Dal'nego Vostoka = Problems of the Far East*, 2004, no. 4, pp. 77–78. (In Russ.)
13. Minakir P.A., Devaeva E.I. [The Russian Far East and Trans-Baikal region: the program of international economic cooperation]. *Problemy Dal'nego Vostoka = Problems of the Far East*, 2002, no. 1, pp. 79–91. (In Russ.)
14. Ponkratov R.A. [International labor migration in the Russian Far East: current status and trends]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*, 2007, vol. 10, iss. 2, pp. 135–140. (In Russ.)
15. Topilin A.V., Parfentseva O.A. *Perspektivy trudovoi migratsii v Rossii: ot kolichestvennykh k kachestvennym parametram* [Prospects of labor migration in Russia: from quantitative to qualitative parameters]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2008, 105 p.

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.